

АЛЕКСАНДР ШУМИЛИН

ВАНЬКА-РОТНЫЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш96

Шумилин, Александр

Ш96 Александр Шумилин. – Москва: АСТ, 2015. –
416 с. (Фронтовой дневник)
ISBN978-5-17-089938-8

«Ванька-ротный» – это искренний рассказ о трудных военных буднях стрелкового офицера Великой Отечественной Войны. Повествуя о невзгодах, которые постигли миллионы красноармейцев на фронте в период с августа 1941 по апрель 1944 года, автор отобразил события с поражающей натуралистичностью. В данном издании представлен фрагмент рукописи Александра Шумилина, охватывающий период участия автора в обеих Ржевско-Вяземских операциях. За правдивость автора, в частности, за его критику роли и места вышестоящего командования, книгу долгое время отказывались печатать, но именно эта неподдельная честность и позволяет нам сказать, что данные воспоминания – правдивый рассказ героя войны.

УДК 821.161.1-94
ББК
84(2Рос=Рус)6-44

ISBN978-5-17-089938-8

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Вокруг Ржева

Декабрь 1941 — январь 1942 года

В этот раз нам поставили задачу подойти к деревне ночью, используя темноту. Пойти с солдатами в атаку ночью дело непростое. В темноте не видно, кто где идёт, а кто уткнувшись в снег лежит. Пойди их поищи! *|в темноте. Попробуй их найди и подними.*|

Я могу остаться с горсткой солдат перед деревней. Что за народ? Они лучше будут лежать под ураганным огнём, чем рывком побегут на деревню.

Вот солдатская психология. А может, просто страх? Успех ночной атаки в быстроте. Бросок всей ротой на деревню. Главное добежать до первых домов. А там дело пойдёт. Но разве солдата убедишь словами?

В роту накануне дали новое пополнение. Все они молодые. Знают, чем занимаются солдаты на войне. Люди все разные. Что у них на уме? У меня сотни вопросов и ни одного ответа. Мне бы нужно было отработать с ними ночную атаку, расставить их по местам и погонять их много раз где-нибудь в тылу. Но разве мне разрешат снять роту с обороны, в которой мы лежим в поле на снегу.

Накануне был сильный снегопад. Но уже два дня стоит тихая погода. Во время снегопада немцы вели себя беспокойно, усилили свои посты, постоянно стреляли и непрерывно светили передний край ракетами. Теперь, когда снег с неба падать перестал, когда под взлёт осветительной ракеты кругом можно было видеть большое пространство, немцы несколько успокоились и прекратили стрельбу.

Перед выходом ночью с опушки леса я решил раздать солдатам чистые маскхалаты. Немцы привыкли видеть наших солдат на опушке леса в серых шинелях. До самого последнего момента я держал маскхалаты в ротной

повозке и не разрешал старшине их выдавать. Пусть немцы привыкнут к серому цвету наших шинелей. Старшина удивлялся, почему я держу их в повозке и никому не даю.

Белые маскхалаты это неожиданность для немцев. Появление солдат в халатах застанет немцев врасплох. У них в памяти серые шинели, а перед ними появятся русские в совершенно новом виде. Немцы могут подумать, что к нам подошли свежие резервы.

Когда стихла пулемётная стрельба, до нас из деревни долетел негромкий говор немецких часовых. О чём они говорили с большого расстояния, не разберёшь. *Поговорить они были любители. Часовые день и ночь болтали вроде как одно и то же.* А вообще немцы были любители поговорить. Они рты закрывали только во время сна и еды.

Среди ночи солдаты одели маскхалаты, и рота стала медленно подвигаться вперёд. Я решил мелкими группами сосредоточиться в небольшой лощине. Солдат поочередно выводили туда. Из лощины можно будет рывком податься вперёд, добежать до огородов и ворваться в деревню.

Сначала всё шло хорошо. В лощину перебрались без звука. До деревни осталось рукой подать. Я вполголоса подаю команду: «— Рота вперёд!» А мои солдатики лежат, как глухие, завалились поглубже в снег, посматривают на меня.

Кричать и повышать голос нельзя. Немцы близко. Солдаты ждут, чтобы кто-нибудь первым поднялся. Я поднимаюсь, выхожу из лощины и оглядываюсь назад. Солдаты начинают шевелиться. Несколько человек поднимаются и идут за мной. До огородов осталось немного. Я иду и жду. Немец вот-вот обнаружит [нас] и полоснёт пулемётным огнём. *Полоснёт из пулемёта. Мурашки ползут по спине. Дыхание перехватило. Я продолжаю идти. И каждый свой шаг вперёд я считаю последним.*

Умирать нет охоты. Почему я должен идти впереди всех своих солдат и показывать им пример, проверяя своим телом, на себе, будет немец стрелять или нет? Почему я должен подставлять себя первым под пули? Почему они, мои солдаты, должны прятаться за моей спиной? А потом скажут, что я в составе стрелковой роты в атаку ходил.

До деревни десять шагов. В висках тупыми ударами пульс отбивает последние секунды. Сейчас, может, всё кончится. И вот я исчезаю в тёмной дыре ворот. За моей спиной кто-то тяжело дышит, это небольшая группа моих солдат, как я и предполагал.

В сарае пусто. Внутри снежные сугробы. Сверху с дырявой крыши из-под снега свисают пряди прелой соломы. Солдаты ручейком вливаются в открытые ворота сарая. Они несколько оживились, но стоят настороженно, проглотили страх и слюну, но бесстрашия не обрели. Они рады, что без выстрела добрались до сарая и забрались вовнутрь. Стоят, сбившись кучей, и смотрят на меня. И опять всё сначала! Пока я не выйду из сарая, они не сделают шага вперёд, ни один с места не тронется. Как будто мне одному нужна эта «вшивая» деревня и война.

Сержанты жмутся в общую кучу. На фронте они такие тихие и робкие, не то что в тылу. В тылу они голостые, глотку дерут на солдат, покрикивают, гнут их в дугу. Куда девалась их прыть?

Что могу я один сделать с полсотней солдат? Старички мои знают, чего стоит жизнь. Я в роте самый молодой. Кричать и выкидывать их из сарая нельзя. Избы, где находятся немцы, близко. Я рукой показываю кому куда бежать, а они стоят неподвижно и тупо смотрят на меня, жмутся друг к другу.

Но среди них есть и такие, которые посмелей. Человечек пять, не больше. Они выглядывают из ворот сарая, но сделать шаг навстречу смерти боятся. Что делать? Не вытаскивать же из сарая по очереди каждого за рукав, не выпихивать их, не подталкивать их в спину коленкой под зад, не вышвыривать их наружу за шиворот. Они стоят и выходить из сарая боятся.

Потом, конечно, будут взахлёб рассказывать, как они рывком ворвались в деревню. Я делаю два шага к стоящей толпе, они отступают на два шага назад в глубь сарая.

— Ну и войско! Мать их вашу за ногу! — вслух выпаливаю я.

Я подзываю знаком руки пятерых самых шустрых и показываю им на ближайšie два дома. Солдаты в знак согласия кивают мне головой.

Я оглядываюсь на остальных, качаю головой и матерюсь вполголоса, грожу в их сторону кулаком и сам с пятерыми выхожу из сарая.

До ближайшей избы короткий бросок. Мы пригнувшись бежим по глубокому снегу, вскидывая вверх колени. А солдатики мои, что остались в сарае, не особенно спешат, а посматривают, что будет с нами дальше.

Мурашки ползут по спине. Дыхание спёрло. Я продолжаю идти. Каждый шаг считаю последним. Ещё шаг — и смерть впереди.

Почему я должен идти впереди своих солдат и быть им примером, проверяя на себе, будет немец стрелять или нет? Почему я должен подставлять себя под пули первым? Почему они прячутся за моей спиной? До деревни десяток шагов. В висках тупыми ударами пульс отбивает последние секунды. Сейчас могут грянуть выстрелы, и всё кончится. Я подхожу к сараю и исчезаю в темноте раскрытых ворот. Слышу за моей спиной — кто-то дышит.

В сарае пусто. Внутри снежные сугробы. Сверху с дырявой крыши из-под снега свисают пряди прелой соломы. Солдаты роты ручейком вливаются в открытые ворота сарая. Солдаты несколько оживились, но стоят настороженно и ловят ухом звуки. Они рады, что без выстрела забралась вовнутрь. Стоят, сбившись кучей, и смотрят на меня, что я буду делать дальше. Опять всё сначала! Пока я не выйду из сарая, они отсюда не сделают шага вперёд. Как будто мне одному нужна эта «вшивая» деревня.

Сержанты жмутся позади солдат. На фронте они тихие и робкие, не то что в тылу. В тылу они глотку дерут на солдат и гнут их в дугу. А тут, перед немцем, куда девалась их прыть.

А что я могу один сделать сейчас с целой ротой.

Ну подождите, возьмём деревню, я вас погоняю, поторчитесь вы у меня в снегу.

Старички — те знают, что стоит солдатская жизнь. Я в роте самый молодой. Кричать и выпихивать их из сарая сейчас бесполезно. Избы, где находятся немцы, от сарая близко. Я рукой показываю, кому куда бежать, а они пятятся назад и тупо смотрят в землю.

Но есть среди них такие, которые пошустрей. Человек пять, не больше. Они выглядывают из ворот сарая, но боятся сделать первый шаг. Что делать? Не вытаскивать же каждого за рукав, поддавая коленкой под зад, не вышвыривать их за шиворот наружу. Они стоят и выходить из сарая боятся.

Потом взмахнув рукой будут рассказывать, как они рывком ворвались в деревню. Я делаю два шага к стоящей толпе, они отступают на два шага в угол сарая.

— Ну, вояки! Мать вашу так! — выпаливаю я вполголоса.

Я знаком руки подзываю к себе пятерых солдат и показываю им на ближайšie два дома.

— Я и вы возьмём эти два дома. Остальные пусть бегут дальше в деревню!

Пять солдат в знак согласия кивают мне головой. Я оглядываюсь на остальных, матерюсь себе под нос и грожу в их сторону кулаком, поворачиваюсь и с пятерыми быстро выхожу из сарая.

Они не спешат, не торопятся вперёд, у них седьмой ржавый тормоз включён и дрожь по всему телу.

Мы обходим боковой стеной избу, немцы сразу обнаруживают нас. начинают орать и открывают стрельбу. Под огонь попадают те, кто топает позади.

Нас немцы не видят, потому что мы ушли вперёд, стоим за стеной. Теперь, когда немец открыл стрельбу, можно и мне орать и подавать во весь голос команды.

— Вперёд! — кричу я.

— К стенам! К избам! В огородах вас всех перебьют!

— Броском вперёд! Мы вас прикроем пулемётом!

— Дай огонька! Вдоль улицы короткими очередями! — говорю я солдату.

Он высовывается из-за угла, смотрит вдоль улицы, ложится на снег, ставит пулемёт и ведёт огонь короткими очередями.

Накануне наступления в роту прислали ручной пулемёт с двумя дисками патронов. Полковые при этом сказали, — Вот мы тебя усиливаем огневыми средствами, даём пулемёт! Деревня поэтому должна быть взята во что бы то не стало.

Автомат ППШ был только у моего ординарца. Вот собственно и все огневые средства.

Я хмыкнул под нос и сказал, — Пулемёт и автомат на целую роту по-моему это маловато и вы это подаёте как огневые средства? Тут батареи пушек мало! А вы хотите, чтобы я это сделал с одним пулемётом? Две роты солдат уже легли под Чухино. А результатов нет. На снегу под деревней лежат сотни трупов. И вы хотите, чтобы я с одним пулемётом взял деревню.

— Ни одним пулемётом! У тебя полсотни солдат!

— У меня полсотни солдат! Как полсотни патрон. Сразу выстрелил и их не стало.

Как всегда, в первый момент атаки затишье, солдаты топчутся на месте. Ни мы, ни немцы не можем разобраться на чьей стороне перевес. Мне с солдатами нужно бежать вперёд, только этим, так сказать, манёвром, мы можем нагнать на немцев страха или вызвать панику.

Я задаю себе вопрос. Почему раньше стрелковые роты ночью не ходили в атаку. Почему их посылали на деревню только в светлое время, с утра. Ночью можно было незаметно сделать рывок, ворваться в деревню с меньшими потерями. Раньше наверно с НП батальонов и полков хотели посмотреть, как ходят цепью солдаты в атаку.

Стрелок солдат не разведчик! Одиночная подготовка солдата слаба! Он идёт вперёд, когда видит, что все идут. Страх велик. Ночью он может ткнуться и пролежать в стороне, или сзади бездействуя. Он идёт и смотрит по сторонам, и оглядывается. Есть ли кто впереди? На пули ещё не напоролся?

Я взглянул вдоль деревни. Немцы по всем признакам тронулись и побежали. Попробуй не сбеги, когда на тебя насаждают русские Иваны.

Белые маскхалаты подобрались к двум избам. Я подаю команду и солдаты вываливаются на улицу. Они растекаются по деревне, немцы увидели нас и заорали. Это и был тот самый момент, когда отчаянный вопль немцев вызывает панику. Наши, кто понимал, давно ждали этого момента. Теперь солдат может разогнуться и не сдерживать дыхания.

Мы обходим боковой стеной первую избу, и немцы сразу обнаруживают нас, начинают галдеть и открывают стрельбу. Под огонь попадают солдаты, которые высочили из сарая последними.

Мы стоим за стеной, нас немцы не видят. Теперь, когда немец открыл стрельбу и я могу подать команды во весь голос криком. Я кричу:

— Давай быстрее к домам! Давай вперёд! В огородах вас всех перебьют. Броском вперёд! Я вас пулемётом прикрою!

— Дай огонька вдоль улицы! Бей короткими очередями! — приказываю я солдату.

Он высовывается из-за угла, смотрит вдоль улицы, ставит пулемёт, ложится на снег и ведёт огонь короткими очередями.

Накануне наступления роты мне прислали ручной пулемёт. Полковые при этом сказали:

— Мы усиливаем тебя огневыми средствами! Деревня на этот раз во что бы то ни стало должна быть взята!

Я хмыкнул под нос и ответил:

— Один пулемёт на роту, и вы это выдаёте за огневые средства? Тут двух батарей пушек мало! Сколько стрелковых рот уже легло под Чухино? Под деревней лежат сотни трупов. А вы хотите, чтобы я с одним пулемётом пошёл и взял? Не жирно ли будет?

— Не с одним пулемётом! У тебя полсотни солдат!

— Полсотни солдат — как полсотни патрон. Выстрелил и их не стало!

Я подался к углу, посмотрел вдоль деревни: немцы по всем признакам тронулись с места. Белые халаты подобрались ещё к двум избам. Я подаю команду, и солдаты вываливаются на улицу. Немцы увидели нас и заорали.

Этот самый момент, когда отчаянный вопль сеет панику. Давно мы этого ждали.

Немецкие пулемёты умолкли. Слышна только трескотня из винтовок. Рота разбежалась и потекла между домов. Один прыткий немец с перепуга налетел на нашего солдата, головой сбил его с ног и ошалело завертелся на месте. Когда немец оправился от удара, он оказался под дулом винтовки другого. Вытаращив глаза, немец не поднял даже руки вверх. Солдат взял его за рукав и потянул в сторону. Немец был без каски, с растрёпанными волосами.

Несмотря на винтовочную стрельбу, убитых немцев в деревне не оказалось. Солдат, стоявший около немца, оглянулся, немец юркнул и куда-то исчез. Потом солдат рассказывал:

— Я думал, что никакого немца и не было! Мне это с перепугу показалось! Я первый раз на фронте! А когда к нему подошёл тот, другой, сбитый с ног, то стало ясно, что немца всё-таки упустили.

Серая дымка на небе стала светлеть. Я не рассчитывал, что так легко и быстро всё кончится. Я боялся больших потерь. Немцы, думал я, не отдадут просто так нам деревню. В роте было с десяток убитых и раненых. Стрельба прекратилась. Последние бегущие немцы скрылись в кустах.

По дороге из леса на обозной кляче, запряжённой в деревенские сани, приехал ротный старшина. Солдаты разбрелись по домам в поисках пищи. Через некоторое

время они появились на улице. У каждого за пазухой торчало кое-какое немецкое барахло.

Здесь в деревне, в избах на столах, на полу и на лавках немцы оставили хлеб, консервы и несколько бутылок шнапса. Буханки хлеба на горбушке с боку имели четырехзначные цифры — 8, 9, 0. Солдаты решили, что хлеб трехгодичной выпечки:

— Ты смотри! Трехгодичный запас хлеба!

Резался хлеб легко. На зуб был не черствый. Банки консервные были собраны со всей Европы. Тут же пачки сигарет и брошенные немецкие одеяла.

В одной избе, она была штабная, на столе стояла пишущая машинка, на полу валялись какие-то бумаги. На широкой лавке вдоль стены стояло два пластмассовых телефонных аппарата. К ним из окон тянулся целый ворох проводов. Здесь же нашли кучу стеариновых свечильников в виде круглой коробочки и торчащим посередине картонным фитилём. Чего только не было у немцев на войне! Всякую мелочь и барахло они с собой таскали. *[У немцев на войне было всё, вплоть до самой последней мелочи. Вот какое количество всякого барахла таскали с собой немцы.]*

На полу около стола валялся солдатский ранец. Крышка на ранце из жёсткого оленьего меха. Здесь же под лавкой стояли до блеска начищенные сапоги. Подъём у этих сапог для нашей русской лапы был маловат. Многие прицеливались на них, но надевать не решились. На вбитом в стену гвозде висел автомат с запасными рожками, набитыми патронами. И наконец, самое интересное, на что все клюнули: на окне лежала целая кипа немецких журналов с цветными картинками.

Пока я ходил по деревне, устанавливал посты и определял участки обороны для каждого взвода, в этой самой избе под дружный хохот солдат и ехидные замечания шёл просмотр обнаженных немецких девиц в цветном изображении. На обложке одного из журналов крупным планом был представлен портрет человека с усиками и хохолком на лбу.

Когда я вошёл в избу, посмотрел на фотографию и прочёл надпись, я сказал солдатам:

— Это и есть их Гитлер.

Все сгрудились ещё раз посмотреть на него.

— Ну вот теперь мы знаем, какой есть их Гитлер.

Солдаты, толкаясь, с любопытством смотрели на немецкого фюрера в военной форме.

— Смотрите, братцы! — воскликнул кто-то.

— А он тоже руку держит под пуговицей, за пиджаком.

«Хорошо, что политрук роты пропадает где-то в тылах полка и уже месяц не кажет своего носа в роту, — подумал я. — Если бы он сейчас выхватил из рук солдата один из журналчиков, то имел бы веские доказательства и прямые улики морального разложения командира роты. Мне бы контрреволюции не миновать».

Кому-то из солдат на страницах журнала попались обнаженные девицы. Солдаты бросили смотреть на фюрера и сразу заржали. Размалеванные немки, натягивающие чулки на тонкие изящные ножки, привлекли к себе всеобщее солдатское внимание.

От некоторых солдат уже пахло спиртным. И они громче всех кричали и ржали.

— У этих не то! — сказал старшина, заглянув журнал.

— У этих, товарищ старшина, ни с заду, ни с переду!

— Видали, братцы! У немцев бабы длинные и тощие!

— На самом деле, как лахудры!

— Сейчас бы сюда мою Дусю! Она их всех своим задом перекрыла!

— У неё во всей фигуре самое главное заднее место!

Я сидел и слушал, как солдаты потешались над немецкими девицами. Молодые солдаты стояли несколько позади и слушали. Сказать им было нечего. Это дело, как и войну, нужно понять и прочувствовать на практике. Шуточное ли дело! Старики про то и про сё начистоту выкладывают. Тут ухо держи остро! Академию пройдёшь! Теорию жизни узнаешь!

Я понимал, что после колоссального напряжения и страха солдаты расслабились. Теперь у каждого на душе и в глазах светилось сознание, что взяли деревню и остались в живых. Теперь каждый из солдат мог свободно вдохнуть, посмеяться до слёз, прихвастнуть и даже выругаться.

Солдаты стали насчёт баб, перебивая друг друга, сыпать разными словечками. И если бы не связной, прибежавший из взвода, разговорам не было бы конца.

Я подал команду провести смену на постах, дал указание старшине насчёт кормёжки и пошёл во взвод в сопровождении связного, куда меня срочно вызывали.

Когда я подошёл к избе, где располагался взвод, старший сержант доложил мне, что немец, которого они упустили, обнаружился в телятнике.

— Он нырнул в полуоткрытые ворота, забежал в хлев и прикрыл затворку за собой. Немец решил отсидеться, а потом незаметно выбраться и убежать. Солдаты услышали слабый шорох в хлеву решили, что немцы в панике оставили в хлеву свиную живность. Сунулись туда, а там действительно ценная живность сидела на навозной куче.

Я посмотрел на немца, он был без головного убора. Каску и пилотку он где-то потерял. Я велел ст. сержанту дать ему немецкое одеяло. Пусть «Фриц» укроется с головой, а то отморозит уши. Я предупредил ст. сержанта, чтобы славяне не болтались без дела по деревне.

— Часовые на постах! Свободная смена в избях!

Сказав связному солдату, чтобы он конвоировал пленного, я направился в штабную избу. Сюда из батальона уже протянули связь, и связисты ковырялись с аппаратом.

Потом звонок из батальона. Мне, конечно, сделали втык, почему я раньше через связного не доложил о взятии деревни. Сделали это не грубо, как обычно, а несколько мягче, но с укором.

У меня на душе просветлело. Я не ждал от них такого обходительного обращения. В сорок первом это было не в моде. Я был доволен совсем другим, я с небольшими потерями занял деревню.

Несколько сотен солдат полегло под деревней в снегу. Они наступали раньше нас и понесли большие потери. Справа от нас наступали роты полка. Они с большими потерями сумели ворваться в деревню Гостинево¹. Фронт обороны немцев под Старицей был прорван соседней дивизией. Вероятно, поэтому немцы нам здесь не оказали жёсткого сопротивления.

Допрос пленного

Немец был небольшого роста. Волосы темные, всколоченные. Видно не ариец. Не нашёл времени разложить их на пробор, как это делали другие. Не успел умыться и натянуть пилотку на уши, а тут по деревне беспорядочная стрельба. Он выскочил ночью в пургу и бежал, не помня себя от страха. А ведь он собирался утром привести себя в порядок. *Ещё бы! Ему предстояло отправиться в путь.*

¹ Гостенево.

Теперь он сидел на лавке и беспокойно ерзал. На вопросы он отвечал торопливо, не обдумывая свои ответы. Чувствовалось, что он, попав в плен, никак не мог прийти в себя и освоиться с теперешним своим положением. Фамилию, имя, год и место рождения он выпалил на одном дыхании. Лет ему было около двадцати.

Всё шло гладко и хорошо. Но когда я спросил его о семье, немец вдруг заморгал глазами, всхлипнул жалостно и заёрзал на месте. Ревел он естественно и вполне натурально. Плакал он от души. Слезы, крупные слезы катились у него по щекам. Он плакал навзрыд, подвывая себе писклявым голосом.

Он хотел что-то сказать, пробормотал несколько непонятных слов, несколько раз всхлипнул и заревел с новой силой.

Солдаты мои смотрели и пожимали плечами, они были удивлены и даже опешили. Теперь они смотрели на него снисходительно и даже улыбались. Взрослый мужик, а плачет, как баба. Они смотрели на него, хмыкали и недоумевали.

— Товарищ лейтенант! Пошто он ревет?

Я подождал, пока немец немного успокоится и сможет сказать хоть пару внятных слов. Тогда его можно будет спросить, почему он, собственно, плачет.

Наши его не пинали, прикладом под ребро не толкали, по дороге сюда вели, не били. У нас вообще не было принято издеваться над пленными.

Наши солдаты с пленными обращались, можно сказать, уважительно, как с людьми. Бывали случаи, когда при конвоировании пленного где-нибудь в тылу из-за телег выбегали повозочные и прочие тыловые и замахивались на немца в сердцах, показывая перед дружками свою прыть и патриотические чувства.

— Давай осади назад и полегче! — отстранял их конвоир стволем винтовки.

— Сходи на передок, возьми себе пленного, а потом налетай! А этот не твой! Видал какой прыткий! Тоже мне тыловая крыса!

Причина, почему ревел немец, нам была неизвестна. И вот он немного успокоился, смотрит жалостно мне в глаза и просит меня, чтобы его отпустили.

— Куда отпустить? В туалет? — переспрашиваю я.

— Нейн-нейн!.. Нет-нет! Туда, к немцам! Домой! На хаузе! У меня отпуск! — и он стал торопливо вытаскивать

из нагрудного кармана униформы своё отпускное свидетельство «Урлауб шайн». — Вот! — тыкал он в бумажку пальцем. — Я шесть месяцев на восточном фронте. Мне положен отпуск. Я вчера получил документы. Я должен ехать домой! [Я устал.] Ферштеен зи? — устало доказывал немец.

— Ферштеен! Ферштеен! — отвечал я. — Это нам, муде ферштейн!¹

— Чаво он говорит, товарищ лейтенант, — спрашивают меня солдаты.

— Он просит, чтобы мы егопустили. Ему нужно ехать домой! — У него отпуск. Он должен ехать в Германию.

Солдаты, услышав причину рёва, схватились за животы и закатились дружным радостным смехом. Смеялись они по-настоящему до слёз. У немца слезы от расстройств, а солдат пробило от смеха слезой.

Такое дело! Многие ржали до колик в животе.

Немец, видно, усёк, что я перевёл его просьбу солдатам. Он посмотрел на них и снова заревел. У солдат по щекам катились слезы. Плакали все. И ржали, как лошади.

— Ну и потеха! Вот уморил! Ведь всех, стерва, довёл до слёз!

Немец обвёл всех внимательным взглядом, заморгал глазами и опять заревел.

— Товарищ лейтенант! Уберите его отсюда! Он всех тут нас замертво на полу уложит!

— Ты смотри, в штаны не напусти! — вставил другой.

— Ведь надо же, случилось!

— Ух, мать твою! Больше не могу!

— Вы его спросите... — и солдат валился на пол навзничь и катался по полу дергаясь.

— А куда он должен ехать?

И опять под грохот солдатских глоток, под рёв немца, все, кто сидел на лавке, покатились на пол.

— Ну и денёк! Хуже не придумаешь! После такого и умереть не страшно!

— Вот спасибо! Вот потешил душу! Дай я его поцелую!

¹«Это нам, муде ферштейн!», игра слов по созвучию, заменитель ненормативных выражений в повседневной лексике автора. Эпизод допроса пленного объясняет происхождение фразы:

— Ich werde mude. Verstehen Sie?

— Это нам, муде ферштейн!

Страсти понемногу улеглись. Я прикрикнул на немца, чтобы он наконец перестал реветь, и спросил его:

— Скажите пожалуйста! Когда вы в отпуск должны отправиться?

— Чего вы говорите, товарищ лейтенант?

— Я спросил его, когда он хочет уехать в отпуск домой.

— А он чего?

— Он говорит, что поедет сегодня. Вы, говорит должны меня отпустить немедленно.

Солдаты, услышав перевод, гаркнули дружно.

— Я не то спросил, — сказал я. — Я хотел спросить, куда он должен ехать.

Немец после моей последней фразы заметно повеселел. А солдаты, то один, то другой неожиданно фыркнули. Кого-то прорвало. И они зашлись снова смехом.

После уточнения ряда вопросов наконец было выяснено. Немец сдал своё оружие, простился с друзьями, выпил с ними по шнапсу.

— Наверно, наострился к своей длинной и тощей «фрау!» — сказал кто-то из солдат.

— Фрау! Фрау! — закивал радостно немец.

— Теперь у тебя, «Фриц», другой отпуск! До самого конца войны!

— Вот счастливый человек, — добавил кто-то. — Вернётся домой после войны! А мы?

Немец охотно рассказал, что их 262¹ пехотная дивизия отступала сюда из-под Калинина. Здесь на рубеже Старицы их сапёрный батальон должен был отрыть окопы в полный профиль. В батальоне находился представитель из дивизии, он должен был принять у них готовую работу. Если гер офицер тоже в плену у русских, то он может подтвердить, что мне положен отпуск.

Из деревни нас вскоре выперли, приказали преследовать немцев. Мы сдали немца и двинулись вперёд. По какой из дорог отходила немецкая пехота, заранее трудно было сказать. Прифронтовые дороги немцы регулярно чистили и обставляли их вехами с пучками соломы.

Мы день и ночь шли за отступающими немцами, и при подходе ко Ржеву меня сменила другая рота. Она пошла вперёд, резко забирая вправо, а я со своей должен был идти следом за ней.

¹ 161 пд.